

Юрий Колкер

НЕ О РОССИИ

Из писем к Е. И.



Ходасевич утверждает своё право «любить и проклинать» Россию, — я же, как мне приходилось слышать, будто бы только проклиная её. Это неправда. Презираю и проклиная я не Россию, а страну, возникшую на месте России. С Россией подлинной, давно уже отошедшей в историю, мои узы не порваны. Некогда они были жаркими, сыновними. Сохранилось письмо, свидетельствующее об этом. Оно вообще не о России написано; о ней там сказано мимоходом, но — важное. И для меня, и для моего адресата — как нечто само собою разумеющееся — содержанием жизни, иначе родиной, была тогда русская просодия, русская поэзия, а через это посредство — и Россия.

Ходасевич, вернусь к нему на минуту, любил Россию Пушкина и её историческую проекцию в будущее, Россию надежды. В отличие от Ходасевича я дожил до времён вполне безнадежных, когда приходится по совести сказать, что России больше нет. Россию 1922 года нельзя было не проклинать, Московию XXI века, отвернувшуюся от Пушкина, следовало бы ненавидеть, если б её можно было признать Россией.

Письмо, которое привожу, начато мною 5 ноября, а закончено 17 декабря 1986 года и отправлено из Иерусалима в Ленинград. Оно адресовано поэтессе Е. И., с которой меня связывала литературная дружба, скреплённая моей верой в талант Е. И. и некоторой общностью судеб: оторванностью от гутенбергова прессы, литературным полуподпольем, участием в самиздате. Бездарная советская власть, отнимавшая у человека самый воздух, сплотила очень разных людей. Мы оба, Е. И. и я, были патриотами, жили верой в возрождение России после большевизма, но Е. И. понимала патриотизм через православие, что в годы репрессий не казалось мне бедой, а после наступления свобод нас развело и поссорило. К началу нового тысячелетия я с оторопью увидел, что Бог и отечество для Е. И. — синонимы. Человек умный, образованный и талантливый, Е. И. не понимала, что это тождество есть прямое отрицание христианства, худшая форма язычества.

Последней каплей стал наш спор о второй мировой войне. Здесь патриотизм Е. И. выступил в форме иммунитета к истине. Оказалось, что правду о зверствах Красной армии в Европе в 1944-1945 годах, фактах horribly документированных, обсуждать нельзя, потому что она, Е. И., — «дочь фронтовика», и «победа» для неё — «святое». Когда я заикнулся о необходимости доискиваться исторической правды, Е. И. возразила мне

совсем уже неожиданно: спросила, как я могу говорить о зверствах «наших солдат», будучи «всё-таки наполовину русским». Тут, задолго до захвата Крыма и украинской войны, я понял: если лучшие из «русских» в моём поколении таковы, то России — конец.

Год 2014-й, когда оккупацию Крыма поддерживали восемьдесят с лишним процентов «россиян», подвёл черту нашему с Е. И. спору. Последние надежды рассеялись. Знак равенства между Богом и отечеством оказался пропиленными русского нацизма.

Слышу вопрос: причём здесь Пушкин? разве он не был империалистом? На это отвечаю словами Толстого, которого без Пушкина не случилось бы: вчера было стыдно выезжать иначе как шестёркой цугом, а сегодня стыдно, когда служанка за тобою горшок выносит. Времена меняются, и мы меняемся с ними. Без Пушкина не было бы ни Толстого, ни Ходасевича, которые и есть Россия... Но их нет для сегодняшних «русских». Толстого московиты опять отлучили от церкви. Школьники не понимают стиха «В багрец и золото одетые леса». Я сам, уже в новом тысячелетии, своими ушами слышал от молодого человека из Петербурга, не головореза, не вора, не купца, не программиста или слесаря, а от преуспевающего адвоката, по роду своих занятий, казалось бы, не чуждого слову, что Пушкин — вдохните глубже — ...«поэт салонный».

Но что такое Россия без Пушкина? Об этом уже сказано: «Вычтем из России Пушкина, получим Малюту Скуратова...» Сказано с надеждой, когда ещё не верилось, что Малюта — уже тут, за углом.

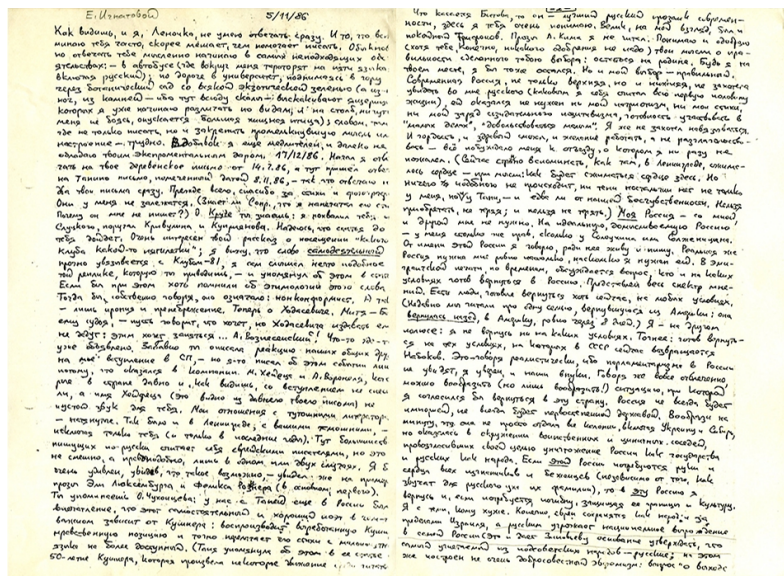
Письмо, повторю сказанное, не о России, а обо мне, о моей жизни.

5/11/86

Как видишь, и я, дорогая, не умею отвечать сразу. И то, что вспоминаю тебя часто, скорее мешает, чем помогает писать. Обыкновенно отвечать тебе мысленно начинаю в самых неподходящих обстоятельствах: в автобусе (где вокруг меня тараторят на пяти языках, включая русский); по дороге в университет, поднимаясь в гору через ботанический сад со всякой экзотической зеленью (а из-под ног, из камней — ибо тут всюду скалы — выскакивают ящерицы, которых я уже начинаю различать по видам, и на столб, ничуть меня не боясь, опускается большая хищная птица); словом, там, где не толь-

ко писать, но и закрепить промелькнувшую мысль или на-
строение — трудно. Вдобавок я еще медлителен, и далеко не
обладаю твоим экспромпентальным даром...

Прежде всего спасибо за стихи и фотографии. Они у ме-
ня не залежатся [я рассылал по журналам стихи Е. И. и дру-
гих знакомых; их фотографические портреты иногда требова-
лись для публикаций]. (Знает ли Сопр. [московский поэт
Александр Сопровский, 1953-1990], что я напечатал его сти-
хи [в парижском журнале *Континент*]? Почему он мне не пи-
шет?) О *Круге* [сборнике ленинградского Клуба-81] ты зна-
ешь: я похвалил тебя и [молодого ленинградского поэта Вале-



рия] Слуцкого, поругал Кривую и Куприянова. Надеюсь,
что моя статья [в парижской газете *Русская мысль*] до тебя
дойдет. Очень интересен твой рассказ [в письме Е. И ко мне]
о посещении «какого-то клуба какой-то пятилетки»; я вижу,
что слово *самодельный* прочно увязывается с *Клубом-81*,
я сам слышал нечто подобное той реплике, которую ты при-
водишь, — и упомянул об этом в моей парижской статье.
Если бы при этом хоть помнили об этимологии этого слова!
Тогда бы, собственно говоря, оно означало: *нонконформист*.

А так — лишь ирония и пренебрежение. Теперь о Ходасевиче. Митя [Дмитрий Волчек; он не совсем добросовестно распорядился собранными мною архивными материалами о Ходасевиче, которые я оставил ему в 1984 году, уезжая в эмиграцию] — Бог ему судья! — пусть говорит, что хочет, но Ходасевича издавать ему не дадут [на самом деле дали]: этим хочет заняться... Вознесенский! Что-то где-то уже объявлено. Забавно ты описала реакцию наших общих друзей на моё вступление в СП [Союз писателей Израиля], — но я-то писал об этом событии лишь потому, что оказался в компании М. Хейфеца и А. Воронеля [я был принят в союз писателей на одном заседании с ними, 19 ноября 1985 года], которые в стране давно и, как видишь, со вступлением не спешили, а имя Хейфеца (это видно из давнего твоего письма) не пустой звук для тебя. Мои отношения с тутошними литераторами — натянутые. Так было и в Ленинграде, с вашими тамошними, — исключая только тебя (и только в последние годы). Тут большинство пишущих по-русски считает себя еврейскими писателями, но не смешно, а правдоподобно это — лишь в одном или двух случаях. Я был очень удивлен, увидев, что такое возможно, — увидел же на примере прозы Эли Люксембурга и Феликса Розинера (в основном, первого). Ты упоминаешь О. Чухонцева: у нас с Таней ещё в России было впечатление, что этот самостоятельный и хороший поэт в чём-то важном зависит от Кушнера: воспроизводит выработанную Кушнером нравственную позицию и точно перелагает его стихи с малопонятного языка на более доступный. (Таня упомянула об этом в её статье на 50-летие Кушнера, которая произвела некоторое движение среди читателей. [Татьяна Костина. «Дивясь красе жестоковыйной...». Парижская газета *Русская мысль*, № 3640, 26 сентября 1986; статья написана в соавторстве со мною]).

Что касается Битова, то он — лучший русский прозаик современности, здесь я тебя очень понимаю. Велик, на мой взгляд, был и покойный Трифонов. Прозы А. Кима я не читал. Понимаю и одобряю (хотя тебе, конечно, никакого одо-

брения не надо) твои мысли о правильности сделанного тобою выбора: остаться на родине. Будь я на твоём месте, я бы тоже остался. Но и мой выбор — правильный. Современная Россия, не только верхняя, но и нижняя, не захотела увидеть во мне русского (каковым я себя считал всю первую половину жизни), ей оказался не нужен ни мой патриотизм, ни мои стихи, ни мой заряд созидательного позитивизма, готовность участвовать в «малых делах», «довольствоваться малым». Я же не захотел навязываться. И гордость, и здравый смысл, и желание работать, а не разглагольствовать — всё побуждало меня к отъезду, о котором я ни разу не пожалел. (Сейчас странно вспоминать, как там, в Ленинграде, сжималось сердце — при мысли: как будет сжиматься сердце здесь. Но ничего подобного не происходит, ни тени ностальгии нет не только у меня, но и у Тани, — и едва ли от нашей бесчувственности. Нельзя приобретать, не теряя; и нельзя не терять.) Моя Россия со мною, и другой мне не нужно. На идеальную, домысливаемую Россию — у меня столько же прав, сколько у Солоухина или Солженицына. От имени этой России я говорю, ради неё живу и пишу. Реальная же Россия нужна мне ровно настолько, насколько я нужен ей. В эмигрантской печати, по временам, обсуждается вопрос, кто и на каких условиях готов вернуться в Россию. Представлен весь спектр мнений. Есть люди, готовые вернуться хоть сейчас, на любых условиях. (Недавно мы читали про одну семью, вернувшуюся из Америки; она *вернулась назад*, в Америку, ровно через 8 дней.) Я — на другом полюсе: я не вернусь ни на каких условиях. Точнее: готов вернуться на тех условиях, на каких в СССР сейчас возвращается Набоков. Это — говоря реалистически, ибо парламентаризма в России не увидят, я уверен, и наши внуки. Говоря же отвлеченно, можно вообразить (но лишь вообразить!) ситуацию, при которой я согласился бы вернуться в эту страну. Россия не всегда будет империей, не всегда будет первостепенной державой. Вообрази на минуту, что она не просто отдала все колонии, включая Украину и Сибирь, но оказалась в окружении воинственных и циничных

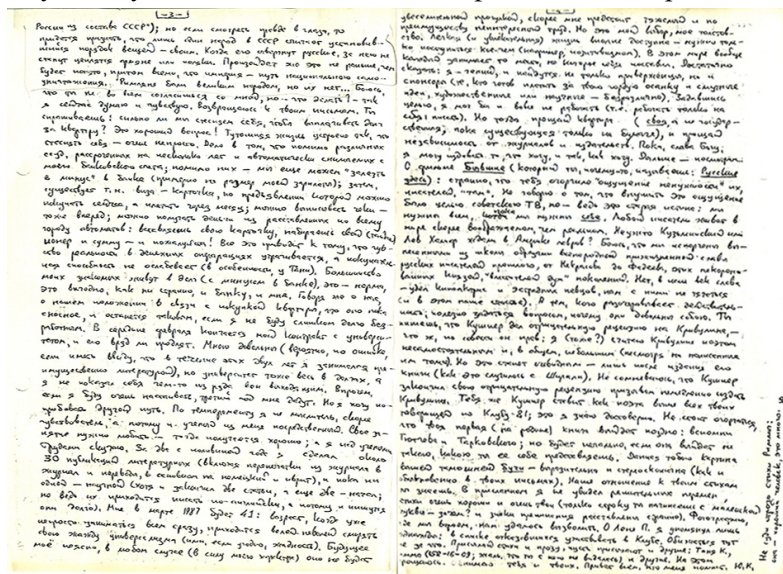
соседей, провозглашающих своей целью уничтожение России как государства и русских как народа [то есть я мысленно ставлю будущую Россию в условия, в которых находился и находится Израиль]. Если этой России потребуются руки и сердца всех изгнанников (независимо от того, как звучат для русского уха их фамилии), то в эту Россию я вернусь и, если потребуется, погибну, защищая её границы и культуру. Я с теми, кому хуже. Конечно, евреи сохранятся как народ и за пределами Израиля, а русским угрожает национальное вырождение в самой России (это и дает Зиновьеву основание утверждать, что самый угнетенный из подсоветских народов — русский; на этом же построен не очень добросовестный эвфемизм: вопрос «о выходе России из состава СССР»); но если смотреть правде в глаза, то придётся признать, что лишь один народ в СССР считает установившийся порядок вещей [имперский большевизм, советский строй] своим. Когда его отвергнут русские, за него не станут цепляться армяне или поляки. Произойдёт же это не раньше, чем будет понято, при том всеми, что империя — путь национального самоуничтожения. Римляне были великим народом, но их нет... Боюсь, что ты не во всем согласишься со мной, но — что делать? — так я сейчас думаю и чувствую.

Возвращаюсь к твоим письмам. Ты спрашиваешь: сильно ли мы стесняем себя, чтобы выплачивать долг за квартиру [купленную на ипотечную ссуду, но еще не построенную; мы живём и до конца 1987 года будем жить в центре абсорбции]? Это хороший вопрос! Тутошняя жизнь устроена так, что стеснять себя — очень непросто. Дело в том, что помимо различных ссуд, рассроченных на несколько лет и автоматически снимаемых с нашего банковского счета; помимо них — мы ещё можем «залезть в минус» в банке (примерно на размер моей зарплаты); затем, существует так называемая виза — карточка, по предъявлению которой можно покупать сейчас, а платить через месяц; можно выписывать чеки — тоже вперёд; можно получать деньги из расставленных по всему городу автоматов: вставляешь свою карточку, набираешь свой (тайный)

номер и сумму — и пожалуйста! Всё это приводит к тому, что чувство реальности в денежных операциях утрачивается, а покупательная способность не ослабевает (особенно у Тани). Большинство моих знакомых живут в долг (с минусом в банке), это — норма, это выгодно, как ни странно, и банку, и мне. Если же говорить о нас, о нашем положении в связи с покупкой квартиры, то оно пока сносное, и останется таковым, если я не буду слишком долго безработным. В середине февраля кончается мой контракт с университетом, и его вряд ли продлят. Мною довольны (вероятно, по ошибке, если иметь в виду, что в течение этих двух лет я занимался преимущественно литературой), но университет тоже весь в долгах, а я не показал себя чем-то из ряда вон выходящим. Впрочем, если я буду очень настаивать, третий год мне дадут. Но я хочу попробовать другой путь. По темпераменту я не мыслитель, скорее чувствователь, а потому и ученый из меня посредственный. Своё занятие нужно любить — тогда получается хорошо; а я над учёными трудами скучаю. За два с половиной года я сделал около 30 публикаций литературных (включая перепечатки из журнала в журнал и переводы, в основном на немецкий и иврит), и пока ни одной — научной (хотя и закончил две статьи, а ещё две начал; но ведь их приходится писать по-английски, а потому и пишутся они долго). Мне в марте 1987 будет 41: возраст, когда уже непросто заниматься всем сразу, приходится волей-неволей смирять свою жажду универсализма (или, если угодно, жадность). Будущее моё неясно, в любом случае (в силу моего характера) оно не будет увеселительной прогулкой, скорее мне предстоит тяжёлый и по преимуществу неинтересный труд. Но это мой выбор, моё толстовство. Лёгкая и увлекательная жизнь вполне доступна — нужно только поступиться кое-чем (например, позитивизмом). В этом мире вообще каждый занимает то место, на которое себя поставил. Достаточно сказать: я — гений, и найдутся не только приверженцы, но и спонсоры (т. е. те, кто готов платить за твою гордую осанку и смутные идеи, художественные или научные — безразлично). Задавшись це-

лю, я мог бы и вовсе не работать (т. е. работать только на себя, писать). Но тогда прощай квартира (своя, а не государственная, пока существующая только на бумаге), и прощай независимость от журналов и издательств. Пока, слава Богу, я могу издавать то, что хочу, и так, как хочу. Дальше — посмотрим...

О фильме *Бывшие* (который ты почему-то называешь *Русские здесь*): странно, что тебя огорчило «ощущение ненужности» их, писателей, «там». Не говорю о том, что внушить это ощущение было целью советского ТВ, но — ведь это старая истина: мы нужны всем, пока мы нужны себе. Любой писатель живёт в мире скорее воображаемом, чем реальном. Неужто Кузьминский или Лев Халиф ждали в Америке лав-



ров? Боюсь, что мы испорчены вынесенными из школы образцами всенародной прижизненной славы русских писателей прошлого, от Некрасова до Фадеева, этих некоронованных князей, «властителей дум» поколений. Нет, в наш век слава — удел киноактрис и эстрадных певцов, нам с ними не тягаться (и в этом наше счастье). А тем, кого разочаровывает действительность, полезно заняться вопросом, почему они

довольны собою. Ты пишешь, что Кушнер дал отрицательную рецензию на Кривулина, — что ж, по совести он прав; я тоже считаю Кривулина поэтом несамостоятельным и, в общем, небольшим (несмотря на написанные им тома). Но это станет очевидным — лишь после издания его книги (как это случилось с Ширали). Не сомневаюсь, что Кушнер закончил свою отрицательную рецензию призывом немедленно издать Кривулина. Тебя же Кушнер ставит как поэта выше всех твоих товарищей по *Клубу-81*; это я знаю достоверно. Не стоит огорчаться, что твоя первая (на родине) книга выйдет поздно: вспомни Тютчева и [Арсения] Тарковского; но будет печально, если она выйдет не такою, какою ты её себе представляешь. Данная тобою картина вашей тамошней бучи — выразительна и стереоскопична (как и обыкновенно в твоих письмах). Наше отношение к твоим стихам ты знаешь. В присланном тобою я не увидел решительных перемен, стихи очень хороши и очень твои (только строчку ты начинаешь с маленькой буквы — зачем? и знаки препинания расставляешь странно). Фотографию, где мы втроём, нам удалось вызволить. О Лене П. [Пудовкиной] я упомянул лишь однажды: в списке отказавшихся участвовать в *Клубе* [в действительности у Пудовкиной были неприятности из-за другого упоминания, о котором я забыл, потому что не брал его в счёт: в предисловии к моей тоненькой стихотворной книжке *Антивенок* (1985); мне не шло в голову, что эта книжка — совершеннейший самиздат мизерным тиражом — могла вызвать в Ленинграде хоть какое-то движение]. Обижаться тут не на что. Присылай стихи и прозу, пусть присылают и другие: Таня К. [ленинградская поэтесса Татьяна Котович], Римма (158-16-09; жаль, что ты с нею не виделась) [Запесоцкая] и другие. На этом прощаюсь. Обнимаю тебя и твоих. Привет всем, кто меня помнит.

[сбоку приписка:] Не суди строго стихи Риммы: она — хороший человек, это много. Ю. К.